

Марцинковская Т.Д. Вариации на тему персонализма: российский и французский подходы

English version: [Martsinkovskaya T.D. Variations on a theme of personalism: Russian and French approaches](#)

Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия

[Сведения об авторе](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Рассматриваются основные концепции персонализма, разработанные российскими и французскими учеными, раскрываются как их отличия, так и общие черты в постановке проблем и трактовке вопросов взаимосвязи личности и общества, различий индивидуального и персонального бытия, познании мира и себя. Показывается роль ментальности и социальной ситуации развития науки в формировании содержания отдельных концепций.

Ключевые слова: персонализм, ментальность, социальная ситуация развития науки, интуитивизм, личность, индивидуальность, общество

Утверждение об особом характере развития любого научного направления в каждой стране и даже в конкретной концепции является общим местом и не нуждается в особых доказательствах. Интерес представляет характер этих вариаций и анализ возможных причин их появления. Такой анализ может помочь в осознании закономерностей становления методологии научного знания, объективных и субъективных факторов, влияющих на ее развитие, а также предсказать пути дальнейшего развития научного знания или хотя бы предвидеть его бифуркационные точки и перспективы.

Сравнительный анализ развития разных научных школ и направлений предполагает оперирование категориальным аппаратом, разработанным М.Г.Ярошевским. Именно этот метод и лег в основу историко-генетического подхода, который дает возможность изучить влияние логики и социальной ситуации развития науки на процесс ее становления на разных этапах и в разных социокультурных ситуациях. Помимо введенных М.Г.Ярошевским параметров (оппонентного круга, надсознательного, когнитивного стиля и т.д.) в разрабатываемом нами подходе используются и такие факторы, как ментальность, индивидуальные особенности ученых, идентичность интеллигенции (интеллектуалов), характерные особенности научного знания в данный период и в данной стране.

При этом наибольший интерес представляет изучение не столько прямого воздействия идеологии и политической обстановки в обществе, но того, как ученые воспринимали эту ситуацию, какие ценностные ориентации и научные концепции формировались под их воздействием. Логика развития наук о человеке приводит к появлению общих черт в теориях, разработанных разными учеными. В то же время проблематика науки, приоритет отдельных аспектов этих теорий, а также специфика их исследования связана преимущественно с социальной ситуацией и ценностями ученых, ее разрабатывающих.

Естественно, что различия в образовании, личностных качествах, идеологии приводили к тому, что

одна и та же социальная ситуация и рефлексировалась учеными по-разному, и приводила к различным научным концепциям. Однако, несмотря на индивидуальные различия, в определенные периоды и в конкретных социальных группах появляются достаточно близкие по проблематике теории. Это доказывает, что фактор социальной апперцепции может быть объективно исследован как при анализе современных, так и отстоящих во времени психологических теорий.

В начале XX в. немецкая классическая философия и психология теряет свою привлекательность в глазах большинства российских ученых, уступая ведущее место экзистенциализму, феноменологии и персонализму. В то же время английский позитивизм и эмпиризм сохраняют свою доминирующую позицию, что приводит к своеобразному соединению, казалось бы, несовместимых тенденций в одной теории.

Развитию феноменологии в ее классическом (гуссерлианском) варианте препятствовал тот факт, что «феномены чистого сознания» предполагали абстрагирование от влияния социума на их содержание, что было неприемлемо для российских ученых. Видимо, экзистенциализм, в силу своего принятия окружающего мира и необходимости гармонии со всем сущим, также был не очень совместим с российскими интенциями к оппозиционности и несогласию с правительством, тем более что ученые, как правило, принадлежали не к правительственной, чиновничьей, но к разночинной оппозиционной интеллигенции.

Персонализм, с одной стороны, фокусировал внимание на проблеме личности, личностной активности и уникальности, что всегда было привлекательно для отечественной науки. С другой стороны, центрация на уникальности жизненного пути, стремление к осознанию в первую очередь себя, а не окружающих, ценность творчества и личностной самореализации были не очень совместимы с системой ценностей большинства российских ученых. Поэтому на первый план выходили вопросы, связанные с взаимоотношением личности и общества, и вопросы познания – как себя, так и окружающего мира.

Персонализм в России строился на нескольких опорных точках – отторжение от соборности и попытка найти если не индивидуальную траекторию существования личности, то хотя бы индивидуальные варианты построения жизненного пути, признание важной роли бессознательного в системе интенций, мотивов человека, признание интуитивного мышления более высокой степенью познания по сравнению с логическим.

Взаимосвязь исследований проблемы ментальности и проблемы личности в российской науке

Необходимо отметить, что развитию персоналистической философии и психологии в России на рубеже веков способствовала и социальная ситуация, а также активные искания ведущих ученых, связанные с анализом содержания ментальности русского народа. Эта проблема не являлась актуальной для французских ученых, так как осознание особенностей «национального самосознания» началось еще в эпоху Людовика XIV и Просвещения. Тогда же в большей или меньшей степени эти вопросы присутствовали в концепциях Дидро, Руссо, Гельвеция. Можно предположить, что именно поэтому в концепциях Бердяева и Лосского уникальность личности связывалась с уникальностью народа и особенностями русского характера.

Проблема осознания своих национальных особенностей не стояла перед русским обществом, в котором существовало скорее не национальное самосознание, а национальное самоощущение, вплоть до середины XIX в. Единство народа было больше внешнее, неосознанное, оно связывалось с единством языка, территории и религии, при этом не вставал вопрос о том, как это единство отражается на характере, психологических особенностях русского народа.

Научный интерес к проблеме национального самосознания начал пробуждаться в «уваровскую эпоху», когда народность была провозглашена официальным правительственным курсом. Однако это понятие таило в себе противоречивую двойственность, так как ни правительство, провозгласившее народность, ни общество, которое должно было принять ее, полностью не понимали, что значит этот курс.

Для психологии это было связано с тем, что параллельно возникло и стремление к осознанию русского менталитета, к выделению и описанию психологических особенностей русского народа, или, по терминологии того времени, к изучению «национального характера» или «народной души», под которыми подразумевались главным образом установки, ценности, верования, общие для всех членов общества. В понятие «народной души» часто включали и язык, являющийся родным для представителей данной нации, а также наиболее распространенные мифы, легенды, пословицы, традиции [Марцинковская 1994].

Бердяев считал главной чертой, определяющей русский характер, его мягкость, пассивность, женственность. Трудность исследования русского менталитета, с его точки зрения, в том, что главная тайна, сокрытая в душе России, – в ее антиномичности, противоречивости, а одно из главных, бросающихся в глаза противоречий русского менталитета – соединение стремления к абсолютной свободе с рабской покорностью чужой воле. Это выражается в том, что Россия – самая анархическая, самая безгосударственная страна в мире, является в то же время и основательницей одной из величайших империй, страной, в которой гражданского общества фактически не существовало, оно было заменено государством [Бердяев, 1990].

В принципе, исходя из идеи Бердяева, можно сказать, что русский народ хочет не столько свободного государства, свободы в государстве и гражданского общества, сколько свободы от государства, свободы от забот о земном устройстве. С этим можно связать и неустроенность быта, культуры русского человека, с этим связано и фатальное, может быть роковое, для русской истории противопоставление интеллигенции и власти, которую интеллигенция, плоть от плоти русского народа, считала чужой и внешней по отношению к народу.

Корень всех противоречий Бердяев видел в несоединенности мужественного и женственного в русском духе и в русском характере. Поэтому безграничная свобода оборачивается безграничным рабством, вечное странничество – вечным застоём, так как мужественная свобода не овладевает женственной русской стихией изнутри, из глубины [Бердяев, 1990].

Анализируя характер противоречивости русской ментальности, Бердяев признает два пласта религиозной жизни русских – христианский и языческий. При этом такие качества, как стихийность, странничество, стремление к бунту, то есть дионисийское, бунтующее начало, описанное еще древнегреческими философами, Бердяев соотносит с языческой частью русской души, хотя реально и не употребляет этот термин, а сервиллизм, абсолютную, пассивную покорность, отсутствие сознания прав личности, отсутствие даже потребности в защите личного достоинства, инертность и консерватизм как в духовной жизни, так и в быту, все эти качества он связывает с государственной христианской религией. Он так же, как и многие его предшественники, подчеркивает, что в отличие от дионисийского, аполлонического, гармонического и культурное сознание не присуще русской душе, мало в ней выражено.

Лосский, стремясь создать схему русского менталитета, а не просто описать его отдельные качества, напротив, считал, что основным качеством, которое определяет оригинальность и самобытность русского характера, является православие, религиозность русского народа [Лосский, 2005].

Лосский поставил религиозность в центр своей системы ментальности, выводя в дальнейшем и дурное и хорошее в русской душе преимущественно из него. С религиозностью и стремлением к святости Лосский связывает и такое отмечаемое практически всеми исследователями свойство, как

бессеребренничество. Он пишет, что, признавая высшей ценностью святость, народ потому и не возводит относительные, земные ценности, например частную собственность, в рамки священных принципов [Лосский, 2005].

Говоря о разнице между западными и славянскими расами, Лосский пишет, что западный менталитет – героический, прометеевский, он всегда стремится из хаоса создать порядок, организовать, оформить своей силой мир. В то же время славянский, русский менталитет – иоанновский, мессианский, он стремится не к власти, но к примирению и любви, хочет создать на земле божественный порядок, гармонию, но не имеет энергии, напора, чтобы привести свои желания в действительность [Лосский, 2005].

Одной из основных характеристик русского народа Лосский считал доброту, которая, как он писал, поддерживается исканием абсолютного добра и религиозностью. При этом доброта и мягкость русских сочетается с их незлопамятностью, отходчивостью, в доказательство которых он приводит множество примеров. Лосский приводит также интересные наблюдения о проявлении доброты как общего свойства характера русских, их отношения к миру вообще, а не только к людям. Эти доказательства он видит в ласковом отношении к вещам, проявляющемся в обилии уменьшительных и ласкательных названий предметов. Правда, этот факт можно отметить и как характеристику анимизма, язычества русских. Интересно, что оборотной стороной доброты русских Лосский считает жестокость, которая может являться средством устрашения при воспитании, отвращения ребенка через страх от неправильных или опасных действий. Жестокость может проявляться и в виде примитивной любви к свободе, не отрефлексированной у людей с низкой культурой, отсюда распространение жестокости при русском бунте.

Исследования взаимосвязи личности и общества

Важной особенностью социальной ситуации, в которой развивались наука и общество на рубеже XIX–XX вв., был экзистенциальный кризис, смена ориентиров с естественнонаучной на гуманитарную парадигму, также стремление к созданию междисциплинарных концепций. Необходимо подчеркнуть, что последний аспект был характерен в большей степени именно для российской, а не французской (европейской) науки.

Особенности социальной ситуации развития науки в России проявлялись в том, что многие ученые стремились создать универсальные теории, которые могли бы объяснить, как строить новое общество с позиций и социальных, и естественных наук и которые доводились до сведения читающей публики со страстью публицистов. Однако дело не только в том, что ученые в это время занимались широким кругом вопросов, но и в том, что это был период творческой синтетичности. Широта охвата может быть и при систематизации изучаемого материала, при подведении итогов работ нескольких групп или даже поколений ученых. Но бывают эпохи, когда научное мышление проявляет широту в открывании новых перспектив, в создании новых точек зрения, не только объединяющих и систематизирующих уже открытые, известные факты, но и проливающих на них свет с новых сторон, ставящих новые задачи не только перед данными исследователями, но открывающие дорогу для ученых следующих поколений. Это и есть, по определению Т.И.Райнова, эпохи творческой синтетичности, какой и был рубеж XIX–XX вв.

Синтетичность и стремление к экстраполяции полученных выводов были характерны не только для российской, но и для французской, европейской науки. Но стремление к построению междисциплинарных связей, соединению естественнонаучных и гуманитарных подходов было наиболее полно выражено именно в России, тогда как французские ученые, напротив, стремились к уходу от позитивизма и ориентации на духовно-гуманитарную парадигму. Интересно, что такая переориентация стала характерна для российских наук о человеке, в том числе и философии (персонализм, феноменология, экзистенциализм) позднее, в 1920-х гг., при этом ведущим фактором, образующей личностного развития и самореализации, и для философов, и для психологов

становится культура.

Объясняя состояние общественного сознания и кризис современного общества, Франк писал о том, что истоки этого состояния – в кризисе мировоззрения, потере людьми интереса к себе и отсутствии желания понять смысл своего существования.

Об этом же писал и Шестов, подчеркивая необходимость поставить в центр исследований не мироздание, но субъект. Доказывая актуальность такого пересмотра, Шестов писал о потере смысла жизни, абсурдности человеческого существования в эпоху трансцендентального кризиса, переживаемого человечеством.

Рассматривая взаимоотношения личности и общества, Бердяев подчеркивал, что в России личность подавлена коллективом, поэтому народные массы лишены правосознания и даже достоинства, не хотят самостоятельности и активности и всегда полагаются на то, что кто-то за них все сделает [Бердяев, 1995]. Этим, по-видимому, возможно объяснить и тот факт, что социализм, прежде всего государственный социализм, при котором личность чувствует себя полностью защищенной и оберегаемой государством, настолько быстро и крепко прижился в России. Поэтому, возможно, и сам Бердяев пережил увлечение марксизмом, в котором, как и французские персоналисты, видел выход из конфликта между обществом и личностью.

Критика капитализма, обезличивающего человека, и обращенность к социализму и марксизму были общими для российских и французских персоналистов, что, видимо, говорит о более серьезном духовном и социальном характере европейского кризиса в начале XX в., по сравнению с англо-американским.

Представляется важным отметить и тот факт, что и во французском, и в российском варианте, в отличие от немецкого и американского, анализ взаимоотношений личность – общество приводит ученых к выводу о потере личности своей сущности как при крайнем индивидуализме, так и в случае растворения в социуме.

Мунье, говоря о всеобщем кризисе капитализма, который приведет его к гибели, и подчеркивая необходимость социального обновления, в то же время писал о том, что «персоналистическое обновление необходимо отличать от социалистического. Социалистическая революция, с его точки зрения, связана, прежде всего, с экономическими преобразованиями, в то время как персоналистическая – с духовными [Мунье, 1999]. Поэтому она не приводит к коллективизму, но создает условия для личностного развития, для преодоления диктата как общества, так и отдельного человека. Только в новом, персоналистическом, обществе процесс общения людей друг с другом будет доставлять им радость и вести к развитию, а не к стремлению навязать свою волю или подавить других. Личностные, индивидуальные качества людей, по мнению Мунье, должны гармонизировать отношения личности и общества, предохранить их как от тоталитаризма, так и от индивидуализма. Идеалом общественной жизни должен стать такой стиль общения, в котором бы сочеталось единство и разобщенность людей [Мунье, 1999].

О необходимости гармоничного соединения индивидуального и социального писал в своей теории идеал-реализма и Лосский [Лосский, 1991]. Обосновывая эту теорию, он писал, что в ней делается попытка соединить две противоположные позиции – и к абсолютному, идеальному, и к реальному, связанному с практической жизнью. Критикуя теорию индивидуализма, ученый отмечал, что она рассматривает мир как сумму раздробленных, разобщенных между собой особей, которые считает абсолютной ценностью. Таким образом, эта теория суживает сферу интересов индивидов по сравнению с его теорией, в которой каждый человек переживает как бесконечно ценное не только свои состояния, но и бытие других людей и бытие сверхиндивидуального целого.

Индивидуалистическое мировоззрение сводит цель жизни человека к самосохранению, при этом, так как они стремятся к одной цели, то и становятся все более похожими друг на друга. Поэтому, с точки зрения Лосского, крайний индивидуализм в процессе своего развития приходит к утрате

самой идеи индивидуума, личности. Сохранить и развить это понятие, по его мнению, можно только в его учении, которое сочетает индивидуальное с универсальным, соединяя человека с другими людьми в их переживаниях.

Проблема личности в российских и французских концепциях

Российские и французские ученые сходились не только во мнении о необходимости противостоять одновременно отчуждению и коллективизации людей, но и в мысли о важности выявления и развития личностного, индивидуального начала в каждом человеке. Разница, причем достаточно существенная, состояла в акцентировании степени творческой активности человека и его способности к изменениям в процессе персоналистической революции и личностного самосовершенствования.

Пытаясь найти рецепты, которые спасут Россию из замкнутого круга, замыкающего ее развитие, Бердяев писал о том, что выход – это раскрытие внутри самой России, в ее духовной глубине мужественного, личного, оформляющего начала, позволяющего овладеть собственной национальной стихией.

Эти рассуждения во многом породили его поворот к персонализму, который, говоря о российских вариациях персонализма, наиболее четко выражен именно у Бердяева. В концепции Шестова в большей степени проявились идеи о личностном экзистенциальном кризисе как отражении кризиса мирового и как отправной точке личностного развития, а в работах Франка и, особенно, Лосского более явственны не столько черты личностного роста, сколько интуитивного озарения и индивидуального восхождения к Истине (Богу), идущие от В.Соловьева.

Соловьев считал, что трансцендентальный мир, или всеединое целое, имеет непосредственное отношение к человеку, который занимает среднее положение между безусловным началом, или всеединым целым, и преходящим миром явлений, не заключающим в себе истины. Появление Христа в середине исторического процесса дает определенный смысл этому процессу, долженствующему завершиться царством Божиим, победой любви над смертью – ибо Бог есть любовь [Соловьев, 1994].

Концепция Соловьева возлагает на человека очень важную и сложную задачу, ибо через него идет путь повышения, развития бытия. Человек наделен самосознанием, являясь высшим звеном эволюции самой природы, и поэтому может осознать направление и цель этого развития. Осуществляя в своей жизни эту высшую цель, человек стремится к совершенству, которое заключается в восстановлении и воссоединении Добра, Истины и Красоты. Соловьев считал, что мертвая материя, пройдя через среду человеческую, одухотворяется, становится живой. При этом прогресс человеческого духа совершается главным образом по одному пути – пути личного нравственного совершенствования, ради которого свободная воля должна делать постоянные усилия [Соловьев, 1994]. Именно из такого понимания места и роли человека в теории Соловьева и вытекают основные положения персоналистической концепции Франка и Лосского, которые дополняют и развивают главные мысли ученого.

Лакруа и, в особенности, Мунье также подчеркивали значение христианства для развития персоналистических представлений о личностном развитии, о персоналистической революции, так как христианство раскрыло смысл жизни, деятельности людей [Мунье, 1999; Лакруа, 2004].

Представление о христианской общине как идеале человеческого содружества стали общими для российских и французских персоналистов, так же как идея о том, что в облике Христа человеческое и божественное начала получают свое высшее и полное воплощение. По-видимому, в этом вопросе сказала не только общность исторического пути, но и сила нравственных законов, заложенных в христианских заповедях и ставших ведущими этическими ценностями.

Однако, несмотря на общность этих взглядов, между российскими и французскими концепциями существовали очень серьезные отличия, связанные, как уже подчеркивалось, с анализом роли личного творчества, личной активности в процессе самореализации.

Так, Лосский не был согласен с точкой зрения, исходящий из внутренней, сознательной обусловленности свободы воли, при которой человек свободен в той степени, в которой сам является виновником своих поступков и свобода – это свобода его выбора.

Фактически Лосский совершенно отрицает какое-либо изменение раз и навсегда созданной Богом души, ее развитие под влиянием культуры, социума. Поэтому в его взгляде на личность присутствует фатализм, отрицание возможности человека измениться, преодолеть свои недостатки. В личности он видит только постоянное, неизменное, связанное с духовностью (божественностью), и все развитие сводится к «восхождению» к себе, к абсолюту [Лосский, 1991]. По сути, это не развитие, и не самоактуализация, о которой писали французские персоналисты, а потому важная для них идея творчества как самостоятельной ценности и не стала ценностью для Лосского. Лосский также подчеркивал, что каждый человек имеет определенное предназначение, что он призван для того, чтобы осуществиться в этом своем своеобразии и именно при таком осуществлении себя, по тому плану, который был как бы заложен в нем, индивид и обнаруживает миру свою ценность, свое сверхиндивидуальное значение. Но это не его творческая активность, но реализация заложенного в нем проекта.

Бердяев в большей степени, чем Лосский, учитывал роль личностной активности. Исследуя взаимосвязь менталитета и творчества, он настаивал на том, что подлинное национальное сознание может быть лишь творческим, оно обращено вперед, а не назад [Бердяев, 1995]. При этом он так же, как в свое время Кавелин и Потебня, доказывал, что национальное самосознание развивается не столько в народной массе, сколько в среде образованных людей. Новая общественная обстановка, сложившаяся в начале XX в., проявилась в том, что если и Потебню и Пыпина практически не слышали, так как их голоса заглушались мощным хором народнических сочинений, то идеи Бердяева уже были приняты и услышаны, что лишний раз доказало существенное изменение идеологии и социальной ситуации.

В то же время, несмотря на признание ценности культуры, она рассматривалась российскими персоналистами, в том числе и Бердяевым, не как образующая личности и источник ее творческой активности, саморазвития, но, скорее, как внешний фактор, условие жизни человека. Бердяев не верил в возможность самореализации человека во внешнем мире, для него конфликт между материальным и духовным был неразрешим, а потому материальная культура не могла интериоризироваться, стать источником новых мотивов и стремлений человека, стимулировать его к самореализации.

Хотя Мунье также считал, что главным источником развития личности является внутреннее стремление к самосовершенствованию, он не отрицал полностью влияния внешних факторов на появление и изменение внутренней мотивации людей. Наоборот, он, как и Лакруа, подчеркивал значение социального окружения для персонологического развития, взаимодействия материального и духовного в процессе личностного роста.

В своих работах Мунье писал о трех основных измерениях личности: призвании, воплощении и объединении, при этом в фокусе его внимания – воплощение человека в труде. Таким образом, труд – это не только и не столько физическая активность, но духовное творчество человека, которое выражает его сущность, возвращает индивида к самому себе. Продукт труда – это продукт творческой активности человека, в котором он воплощает и определенным образом завершает себя как личность [Мунье, 1999]. Развивая эти мысли, Лакруа подчеркивал, что труд является самой сущностью человека, метафизическим условием его бытия [Лакруа, 2004].

В работах Мунье, доказывающего первостепенную роль активности человека как в его личностном самосовершенствовании, так и в совершенствовании окружающего мира, можно увидеть некоторые идеи современного конструкционизма. Так, говоря о том, что человек есть центр мироздания, Мунье подчеркивал, что личность может созидать, преобразовывать реальный мир. Правда, это может не каждый человек, но только тот, кто вначале преобразовал самого себя. При этом, как и Штерн, он уверен, что именно преодоление сопротивления окружающей среды, негативные переживания, связанные с взаимодействием с окружающим, помогают как развитию самосознания, так и развитию творчества.

Гносеологические аспекты персонализма

Анализ социальной ситуации и содержания концепций, разрабатываемых учеными в начале XX в., показывает, что ощущение разлома эпох, разрыва «связи времен» и предчувствие новых потрясений и кардинальных трансформаций стимулировало развитие персоналистических концепций, ориентированных на анализ духовного мира человека и его взаимоотношений с окружающим. В то же время понимание важности преодоления этого кризиса и осознания своего места в мире способствовали развитию гносеологии, хотя и направленной в первую очередь на познание себя и через себя – мира. Этим трансцендентальный кризис начала XX в. отличался от последующих, в которых, прежде всего, исследовалась внутренняя сущность личности, экзистенция, а проблемы познания отходили на второй план.

Подчеркивая эту разницу, Лакруа позднее писал, что персонализм преодолевает ограниченность как марксизма, который рассматривает человека лишь в плане его социальной сущности, так и экзистенциализма, который концентрируется лишь на внутренней жизни человека. В противоположность им, персонализм изучает взаимоотношения личности с окружающим миром, в том числе и вопросы познания этого мира. При этом большинство как французских, так и российских персоналистов отмечали приоритет именно интуитивного, а не рационального постижения истины и значение бессознательного.

Франк ссылаясь на опыт интуитивизма, говоря о том, что при помощи озарения, интуиции мы можем мгновенно познать состояние своей души, ее глубину и целостность, при этом в единый миг мы можем познать всю душу в единстве ее связи с прошлым и будущим.

Лосский в своей книге «Обоснование интуитивизма» [Лосский, 1991] раскрывал преимущества этого вида познания. Он утверждал, что переживание является не внешним по отношению к знанию, но внутренним, оно имманентно самому объекту знания, а потому и отражает его сущность прямо и непосредственно. Знания об объектах всегда переживаются как данность и относятся к внешнему миру, то есть к «не-я», считал Лосский, поэтому они являются знаниями именно о внешнем мире, а не о себе. Объектами же знаний-переживаний, с его точки зрения, являются, прежде всего, эстетические, религиозные, нравственные и правовые нормы, то есть то, что непосредственно связано с эмоциями, и то, что помогает пониманию не только мира, но и себя.

Лакруа также подчеркивал, что персоналистическая теория познания основывается на интуитивном понимании истины, на вере. В таком познании выражается внутренняя устремленность личности к истине. Будучи осознанной, эта устремленность к истине и познанию смысла бытия становится, по Лакруа, религиозной верой. Таким образом, не только приоритет интуитивного знания над рациональным, но и соединение смысла жизни с религиозной верой сближает российских и французских персоналистов. По-видимому, в этом случае, как и при анализе наиболее адекватного для развития личности социального устройства, разочарование современным обществом и недоверие к новым формам социального общежития (в частности, к коммунистической общине) приводит к идеализации прошлого, в том числе и религиозного социального и духовного строя.

Совершенно другие истоки имеет обращение персоналистов к проблеме бессознательного и

утверждение его большого значения для познания. Представляется, что в этом случае сказывается, прежде всего, логика развития науки, успехи психологии (психоанализа, в частности) и естествознания.

Франк в большей степени, чем другие отечественные ученые, изучал роль бессознательного в психической жизни человека. В своей работе «Душа человека» [Франк, 1995] Франк разводил такие понятия, как душевная жизнь, душа и сознание. В аномальных случаях, подчеркивал он, душевная жизнь как бы выходит из берегов и затопляет сознание, именно по этим состояниям и можно дать некоторую характеристику душевной жизни как состояния рассеянного внимания, в котором соединяются предметы и смутные переживания, связанные с ними. Фактически говоря о том же, о чем и Фрейд, Франк писал, что под тонким слоем затвердевших форм рассудочной культуры тлеет жар великих страстей, темных и светлых, которые и в жизни отдельной личности, и в жизни народа в целом могут прорвать плотину и выйти наружу, сметая все на своем пути, ведя к агрессии, бунту и анархии.

Таким образом, с точки зрения Франка, главным содержанием души является слепая, хаотическая, иррациональная душевная жизнь. При этом, опять-таки в унисон с психоанализом, он доказывал, что в игре и в искусстве человек выплескивает наружу эту свою смутную, неосознанную душевную жизнь и тем самым дополняет узкий круг осознанных переживаний. Он также считал, что именно бессознательное есть главный предмет психологических исследований, а сознание лишь постольку входит в их предмет, поскольку феномены сознания имеют сторону, в силу которой они являются переживаниями, и именно в этой части они и являются элементами душевной жизни.

Мунье также высоко оценивал психоанализ Фрейда, который, по его мнению, своей трактовкой бессознательного расширил границы внутреннего мира индивида. Тем не менее, как и российские персоналисты, критикует психоанализ за механистический детерминизм и биологизацию человека. Давая свою трактовку бессознательного, Мунье подчеркивал, что бессознательное лежит в основе связи человека с миром, открывает особые связи между персоной и окружающим. Говоря о «разомкнутости» человека, открытого разным уровням реальности, Мунье (и, отчасти, Лакруа) писал о том, что реальность намного шире, чем осознаваемый мир, в котором живет человек, она должна включать и предшествующее, и будущее, и идеальное. Именно эти уровни реальности и помогают человеку постигать бессознательное, открыть свое предназначение.

Заключение

Анализ того влияния, которое оказывает ментальность и социальная ситуация развития науки на формирование научного мышления, помогает не только точнее воссоздать картину развития гуманитарной науки России и Франции, но и понять современное состояние научного знания, предвидеть сложности, которые могут возникнуть в процессе ее дальнейшего развития. Это особенно важно в современной ситуации, когда глобализация и необходимость взаимодействия ученых разных стран одновременно часто сопровождаются этническими конфликтами, нестабильностью и нетерпимостью к другим точкам зрения и другим концепциям.

Для российской науки трудности связаны и с тем, что процесс осознания специфики российской науки и российского менталитета происходит на фоне менталитета советского, который существовал в последние десятилетия, хотя и не был достаточно отрефлексирован, осознан. Таким образом, социальные изменения, происходящие в нашем обществе, порождают и новые научные интересы, и новые вопросы, которые привлекают все большее внимание современных ученых.

Эти же вопросы стоят и перед французскими учеными, хотя и в несколько другом контексте, связанном, в первую очередь, с интеграцией в единое европейское научное сообщество и, как следствие, тоже возникающей необходимостью отрефлектировать специфику своего подхода к решению проблемы личности и ее взаимоотношений с миром.

Анализ изменений, которые происходят в содержании научных концепций под влиянием идеологии, ментальности, социальной ситуации, сложившейся в той или иной стране, дает основу для понимания их двойной детерминации – национальными психологическими особенностями того народа и состоянием культуры того общества, в котором живет и работает данный ученый.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Национального центра научных исследований Франции (CNRS – Centre National de la Recherche Scientifique), проект 09-06-95321а/фр «Взаимосвязь и взаимовлияние российской и французской гуманитарной науки в первой половине XX века».

Литература

Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (Опыт персоналистической философии) // Бердяев Н.А. Царство Духа и царство кесаря. М.: Республика, 1995.

Бердяев Н.А. Русская идея // Вопросы философии. 1990. N 1, 2.

Лакруа Ж. Избранное: персонализм. М.: РОССПЭН, 2004.

Лосский Н.О. Характер русского народа. М.: Дар, 2005.

Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991.

Марцинковская Т.Д. Русская ментальность и ее отражение в науках о человеке. М.: Агентство «Блиц», 1994.

Мунье Э. Манифест персонализма. М.: Республика, 1999.

Соловьев В.С. Избранное. СПб.: Академия, 1994.

Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб.: Академия, 1995.

Поступила в редакцию 10 июня 2010 г. Дата публикации: 31 октября 2010 г.

Сведения об авторе

Марцинковская Татьяна Давидовна. Доктор психологических наук, профессор, зав. лабораторией подростка, Психологический институт Российской академии образования, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, 125009 Москва, Россия.

E-mail: marsinkovskaya@psystudy.ru

Ссылка для цитирования

Марцинковская Т.Д. Вариации на тему персонализма: российский и французский подходы [Грант РГНФ – CNRS] [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. N 5(13). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг). 0421000116/0051.

[Последние цифры – номер государственной регистрации статьи в реестре ФГУП НТЦ "Информрегистр".]

[К началу страницы >>](#)

